

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР VS ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН: МИР КАК ОБРАЗ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ЦИФЕРБЛАТ

© *В.Б. Малышев*

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию 06.05.2022

Опубликована 01.07.2022

■ Для цитирования: Малышев В.Б. Мартин Хайдеггер VS Людвиг Витгенштейн: мир как образ и метафизический циферблат // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 2. С. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.11>

Аннотация. В статье производится сопоставление воззрений М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна, двух крупнейших мыслителей XX столетия, в плане базовых позиций их философии, в основных онтологических и гносеологических установках, семантике их ключевых понятий. Ключевой общей позицией расхождения являются проблема языка и проблема картинной репрезентации мира. Это понятно уже исходя из природы учений двух крупнейших философов двадцатого столетия: М. Хайдеггер апеллирует к традициям изначального мышления, как оно рождалось на заре европейской философии; учение Л. Витгенштейна являет совершенно новую постметафизическую эпистемологию, основанную на представлении о языке, как конституирующем факторе формирования картины или образа (мира), нем. Bild. Семантически WeltBild М. Хайдеггера и Bild Л. Витгенштейна как языковая репрезентация мира — это метафоры самого новейшего европейского Разума, нечто подобное циферблату механических часов. По сути к этому экранированию сущего лучше всего подходит метафора метафизического циферблата.

Ключевые слова: язык; картина мира; метафизический циферблат; WeltBild; изначальное мышление; философия М. Хайдеггера; философия Л. Витгенштейна

MARTIN HEIDEGGER VS LUDWIG WITTGENSTEIN: THE WORLD AS AN IMAGE AND METAPHYSICAL DIAL

© *V.B. Malyshev*

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted 06.05.2022

Revision submitted 01.07.2022

■ For citation: Malyshev V.B. Martin heidegger vs ludwig wittgenstein: the world as an image and metaphysical dial. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy.* 2022;4(2):90–98. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.11>

Abstract. The article compares the views of M. Heidegger and L. Wittgenstein, two of the greatest thinkers of the XX century, in terms of the basic positions of their philosophy, in the main ontological and epistemological attitudes, the semantics of their key concepts. The key common position of the discrepancy is the problem of language and the problem of pictorial representation of the world. This is clear already based on the nature of the teachings of two of the greatest philosophers of the twentieth century: M. Heidegger appeals to the traditions

of initial thinking, as it was born at the dawn of European philosophy; L. Wittgenstein's teaching is a completely new post-metaphysical epistemology based on the idea of language as a constitutive factor in the formation of a picture or image (of the world). Semantically, M. Heidegger's WeltBild and L. Wittgenstein's Bild as a linguistic representation of the world and is a metaphors of the New European Reason itself, something like the dial of a mechanical clock. In fact, the metaphor of the metaphysical dial is best suited to this screening of existence.

Keywords: language; worldview; metaphysical dial; WeltBild; initial thinking; philosophy of M. Heidegger; philosophy of L. Wittgenstein.

Как известно, в начале XX столетия происходит так называемый «лингвистический поворот». Проблема языка, языковой обусловленности современного миропонимания приобрела роль важнейшего фактора построения научной картины мира. Тем, кто произвел этот «лингвистический поворот» был гениальный австрийский философ Л. Витгенштейн. Но его идеи принято рассматривать в рамках учения аналитической философии. Каких значимых результатов понимания самого духа времени мы добьемся, если будем рассматривать философские учения точно, по отдельности, не поняв всю картину реальности той или иной эпохи. Так или иначе мы говорим о философии Л. Витгенштейна. Но что такое философия без онтологии? Насколько онтологична, а значит, фундаментальна концепция Л. Витгенштейна? Ведь в фундаментальном смысле проблема языка раскрыта крупнейшим онтологом XX столетия М. Хайдеггером.

Следование мыслителя духу времени — весьма существенный фактор рассмотрения той или иной концепции. Но в этой атмосфере эпохи могут рождаться диаметрально противоположные точки зрения на мир.

Позитивистские идеи логического атомизма, философии языка «витали в воздухе» в начале двадцатого столетия. Исторические предпосылки структурализма формируются именно в ту эпоху, эпоху Ф. де Соссюра и Л. Витгенштейна, основы новых онтологических учений закладываются в трудах М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Н. Гартмана. Создаются первые научные мифы об универсальной семиотической структуре миропонимания, в атмосфере Венского кружка проступает одна из важнейших проблем логической семантики (да и семиотики в целом) — проблема метаязыка.

Главным в нашем рассмотрении должно быть сопоставление воззрений М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна, двух крупнейших мыслителей XX столетия, в ключевых позициях их философии, фундаментальных онтологических и гносеологических установках. Помимо таких важнейших позиций, как понимание языка в качестве фундаментальной онтологической константы, здесь очень много смежных онтологических, эпистемологических, мировоззренческих проблем, проблем этики, семиотики и культурфилософских интенций. Исследования, близкие к кругу обозначенных проблем в современной историографии уже предприняты, однако их очень мало. В частности, это работы П. Кампица, Р. Рорти, некоторых других исследователей [5, 6].

При том, что воззрения М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна сопоставляют, в них, несомненно, больше различия, чем сходства. И чем ближе семантическое сходство или, по крайней мере, точки соприкосновения в воззрениях двух мыслителей XX века, тем сильнее высвечиваются глубинные расхождения

миропонимания. Ключевой общей позицией расхождения являются проблема языка и проблема картинной репрезентации мира. Это понятно уже исходя из природы учений двух крупнейших философов двадцатого столетия. М. Хайдеггер апеллирует к традициям изначального мышления, как оно рождалось на заре европейской философии. Учение Л. Витгенштейна демонстрирует совершенно новую постметафизическую эпистемологию, окрыленную достижениями позитивного знания. Одной из самых характерных особенностей философии Л. Витгенштейна является не столько то, что «философия есть критика языка», а то, что из этого положения выводится. Ведь «Логико-философский трактат» не имеет в своем названии слова «язык». Пожалуй, сходятся именно устремления понять языковые реалии в трансцендентальном измерении, истоки которого мы находим у И. Канта. В конечном счете, схема Л. Витгенштейна, данная в «Логико-философском трактате», может быть названа трансцендентальной.

Далее мы рассмотрим различия и сходства в учениях двух мыслителей более детально, для удобства сведя некоторые ключевые понятия, смыслы и установки мышления, присутствующие в трудах мыслителей, в таблицу (Таблица 1), но рассуждая при этом достаточно свободно, чтобы достаточно широко раскрыть суть рассматриваемых положений.

Таблица 1

Семантика понятий в концепциях М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна

М. Хайдеггер	Л. Витгенштейн
Бытие, восхождение, $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$	Метафизический циферблат, картина
Язык как Различие, творящее вещи	Язык как Картина мира
Непредметное (бытие, мир — Welt, Sein)	Объект, предметность — Gegenstand
Weltbild, Картина мира как общее метафизическое представление	Welt, Bild — «Мир» как таковой, «Картина», «Образ» как таковые
Открытость, Offenheit	Логическое и языковое опосредование, сеть — Netzwerk
Вещь в аспекте творения, Ding	Вещь, данная как предмет, Sache
Dinglichkeit, вещьность вещи	Sacheverhalt, положение вещей, позиция
Мир как единая Вещь — Творение	Мир как совокупность фактов, а не вещей
Событие-Творение (Ereignis)	Событие-факт (Tatsache)

М. Хайдеггер выходит за пределы новоевропейской ментальности, обратившись к области истока мышления европейской цивилизации, к так называемому *изначальному* мышлению, глубочайшим образом погружаясь в мир античной эпистемы. Л. Витгенштейн — один из наиболее видных мыслителей эпохи неопозитивизма, который внятно обозначил пределы мышления в новоевропейском понимании — через язык. Если для М. Хайдеггера представление о мире как «картине» или «образе» имеет сниженные коннотации, ведь это способ ухода от бытия, *забвения* бытия, то Л. Витгенштейн «картинную репрезентацию» действительности ставит во главу угла. В своих поздних работах М. Хайдеггер всячески критикует предметное понимание сущего, фиксацию сущего в статике, а не в динамическом *восхождении*. Новоевропейское «время картины мира» окончательно закрывает, «заставляет» от человека первичную

реальность — бытие, восхождение, *φύσις*, — присутствующие в изречениях так называемых «изначальных» мыслителей, Гераклита, Парменида, Анаксагора.

Основной термин философии Л. Витгенштейна — *Bild*. Существует положение о том, что *Bild*, переводимое И. Добронравовым и Г. Лахути как «образ», а в переводе С. Добросельского «картина», является «измерительным инструментом реальности» или ее «масштабом» [2, с. 30; 1, с. 46]. Логические аспекты образа разнообразны. Образ есть «модель» действительности (п. 2.12), образ есть сложный факт (*Tatsache*) (п. 2.141), логическое предложение (*Satz*) также является неким образом действительности. Образ есть «масштаб, приложенный к действительности» (п. 2.1512). Эта фраза весьма характерна для понимания того, что образ мира, о котором говорит Витгенштейн, есть образ машинный, механический, образ, математически моделирующий действительность.

У Хайдеггера существует сходное ключевое определение — *WeltBild*. Но этот термин в размышлениях великого онтолога Запада обретает сниженные коннотации и привязку к картине мира после наступления семнадцатого столетия, эпохи Р. Декарта, Ф. Бэкона и других новоевропейских мыслителей. Картина или образ мира в языке отображает реальность, в которой существуют объекты. Витгенштейнов схематизм образа описывает ту же новоевропейскую реальность, что Хайдеггеровское «*Gestell*», «постав», техническое экранирование мира, есть проявление европейской картины мира — *WeltBild*. *WeltBild* — это зеркало самого новоевропейского разума, подобное циферблату механических часов. Неслучайно новоевропейские мыслители Р. Декарт, Ф. Бэкон считали часы ключевым символом миропонимания своей эпохи. Метафизический циферблат в эпоху неопозитивизма — мембрана, образующая сцепление «языковых атомов», жужжащий рой которых подвешен в некой метафизической пустоте. Казалось бы, траектории этих атомов образуют «картину» реальности, но каков стиль этой картины? Скорее всего, это некий пуантилизм, кубизм.

Говоря о сходстве терминологии, можно увидеть, что если логическое миропонимание у Витгенштейна есть некая дискретная дифференциация сущего, то *logos* Хайдеггера есть собирание аспектов бытия вещи. Логически выраженная дискретность сущего, которую мы наблюдаем в идеях раннего Витгенштейна, противоположна хайдеггеровскому непрерывному восхождению бытия. Л. Витгенштейн понимает язык как исчисление, тогда как М. Хайдеггер рассматривает язык как изначальное Различие, открывающее бытие.

Границы языка создатель «Логико-философского трактата» считает границами мира, который мы можем разумно воспринимать. У Л. Витгенштейна мы находим мета-измерение реальности как апостериорное по отношению к познаваемому, у М. Хайдеггера «мета» может пониматься разве как то, что «позади» сущего, но самым верным для создателя фундаментальной онтологии является понимание «мета» как «между», лат. *medius*. В этом смысле Хайдеггер разрабатывает понятие «просветляющей середины» (*lichtende Mitte*). Однако и Л. Витгенштейну здесь нужно отдать дань уважения — само его понимание языка как границы своего мира ведет к концепции языка как всеобщего *media*, «золотой сети» коммуникации. Метафора «сети», *Netzwerk*, вполне отчетлива для австрийского мыслителя. А ведь это понимание зародилось задолго до эры Интернета.

Мировоззрение Нового времени ориентировано, прежде всего, на предметное понимание сущего. Причем, эта предметность оформляется не «до»

понимания сущего как сущего, а пост-фактум, после. Здесь мир понимается как сопряжение фактов (нем. *Sacheverhalt*, англ. *fact*), а не вещей (кантианское *Ding*).

Было бы весьма репрезентативным, если рассматривать расхождение взглядов Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера именно в позиции их отношения к трансцендентализму Иммануила Канта. Здесь можно усмотреть некие эвристические разветвления кантианского понимания трансцендентальных установок мышления, понимания вещи, понимания трансцендентного как запредельного. Один из рассматриваемых авторов трансформирует понимание трансцендентального до парадоксальной апелляции к самой логике как некоей априорной основе познания (Л. Витгенштейн), другой (М. Хайдеггер) рассматривает проблему в онтологическом контексте, видя в схематизме априорного знания проявление трансцендентальной способности воображения.

Л. Витгенштейн в стремлении уйти от метафизического трансцендентализма парадоксальным образом заявляет о трансцендентальности оснований своей концепции. В финальной части своего трактата Л. Витгенштейн (п. 6.13) отдельно говорит о том, что если логика есть не учение, а «зеркальное отражение мира» (*Spiegelbild der Welt*), то она трансцендентальна (*die Logic ist transzendental*). Возможность знать логический синтаксис того или иного знакового языка означает обладание «строительными лесами мира» [2, с. 30; 1, с. 196].

При использовании обычного языка, одного уровня описания неизбежны противоречия, язык, с этой точки зрения, представляет собой некий лабиринт, в котором возникает путаница понятий и нестыковки определений. Вспомнить хотя бы всем известный парадокс Рассела — Цермело, и как их развитие — «парадокс лжеца» или «парадокс брадобрея». Б. Рассел, Л. Витгенштейн, А. Тарский, Р. Карнап и все их идейные последователи, каждый по-своему, пытаются выделить как минимум два уровня описания. Один из уровней определяет некий «алфавит» описания, другой — трансцендентальную схему, в пределах которой такой «алфавит» функционирует. Однако если мыслить онтологически семиотические категории, если представить саму базовую трансцендентальную схему не только как взгляд с метауровня на уровень объективной действительности, но как «просветляющую середину» (*lichtende Mitte*), открывающую «существо» (*Wesen*) культуры, словно Солнце, собирающее вокруг себя орбиты планет, центров звездного вещества культуры? Именно такими терминами оперирует М. Хайдеггер [10]. Соблюдается ли этот познавательный модус, и при каких условиях? Как достигается соответствие чувственного и умопостигаемого через ту или иную знаковую? Это составляет важный аспект нашего дальнейшего рассмотрения.

Язык становится той «просветляющей серединой» или «картиной» реальности, которая выводит нас на трансцендентальный уровень европейского воображаемого. Бытие языка становится пустым промежуточным бытием «между», мезобытием.

Диагноз современного ему мышления Л. Витгенштейн ставит исходя из разрывов: между вещами и фактами, между миром и его картиной, между эмпирическим миром и трансцендентной реальностью, высоким и обыденным. Это мир тех «мертвенных» сущностей, которые в науке и философии XX века принято называть фактами, или же «научными фактами». Нечто в окружающем мире уже произошло, уже кристаллизовалось в культуре как знаковой системе, и только после того оно признается «фактическим», произошедшим.

Это мир мета-реальности. Марк Эллиот Цукерберг был далеко не оригинален, сделав термин ключевым названием цифрового проекта, ибо метафизические истоки этого понятия уходят в глубь веков. В европейской культуре мета-отношение к сущему формируется постепенно, в плане сознания — послойно. Это происходит главным образом с семнадцатого столетия, того самого «времени картины мира» (М. Хайдеггер). Напомним, что слово «мета» в переводе с древнегреческого означает «после, за, позади» [4]. Прописной истиной является утверждение о том, что на любое явление культуры нужно уметь посмотреть со стороны, объективно, встав «за» явлением, смотря «через границу». Эти так называемые «факты» требуют решительного отделения мышления от бытия как такового. Причем главной вещью, определяющей устройство сущего, декартовым *res cogitans*, является сам человек. Ранний Л. Витгенштейн гораздо более глубокий метафизик, чем может показаться на первый взгляд, чем даже он сам о себе мог бы заявить. Когда Л. Витгенштейн говорит о *Sacheverhalt* как о некоем «положении вещей», в английском переводе *atomic fact*, можно понять это выражение в эвристическом ключе. «Нас всех подстерегает случай» (А.А. Блок), тот самый случай, который выступает как творец, как «Бог — изобретатель» (А.С. Пушкин). Хотя, конечно, такой мир случайного по замыслу самого автора «Логико-философского трактата» парадоксален, амбивалентен: на деле все оборачивается жестким детерминизмом логики воображаемого: «в атомарном факте объекты связаны друг с другом подобно звеньям цепи» [1, с. 42]. Мировоззрение Витгенштейна в своей глубинной сути очень схоластично. Не только в плане насыщения логических построений некой сакральной оптикой воображаемого мира, но и четким разделением высшего (как трансцендентного) и низшего (как обыденного, тварного). По мнению создателя концепции логического атомизма, логические построения не могут выражать ничего высшего. Ценностное бытие у Л. Витгенштейна противостоит механическому миру обыденного. Ценность «должна лежать вне всего происходящего... Ибо все происходящее и так существующее — случайно» [1, с. 212].

Хайдеггеровский мир — мир, в котором все предопределено судьбой античного космоса, Ананке, где ткань судьбы символизируется переплетением вещей-нитей, эти нити плетут Мойры. Современник Витгенштейна Ф.Г. Юнгер, говоря о языке, подчеркивал: «Язык — это судьба, а судьба дана лишь тому, у кого есть язык» [12, с. 103].

Согласно античному мифу, даже великий Зевс подчиняется судьбе, есть изначальные силы, которые ему неподвластны. Век Зевса, следующий за веком Кроноса и Урана, неким образом символизирует эпоху зрелости человеческого разума как разума, мыслящего ясно и отчетливо, способного мыслить время линейно и дискретно. «Темное» мышление Гераклита, к которому призывает вернуться Хайдеггер [8], скорее, мышление Золотого века человечества, века Кроноса, когда человечество не знало вражды, зависти, злобы, когда на Земле не было войн. Неслучайно в античной мифологии присутствует фигура Прометей, который может предсказать судьбу самому верховному олимпийскому богу. Прометей, обладающий мудростью более высокого уровня, чем сам Зевс, в данном случае выступает как посредник, передающий волю свергнутого Зевсом отца, Кроноса. Власть Зевса ограничена пророчеством, и он это отчетливо понимает. Так же как И. Кант понял ограниченность человеческого разума и обозначил ее.

А разве ты ребенка не глупей,
 Коль думаешь, что я тебе отвечу?
 Ни казни нет, ни хитрости, какой
 Меня заставит Зевс сказать о тайне,
 Пока позорных уз не разрешит.
 Так пусть же молнийной разит стрелой,
 Подземным громом пусть гремит, смешает
 Все небо в белокрылую метель —
 И все до основанья уничтожит:
 Меня не сломит он, и не скажу я,
 От чьей руки он потеряет власть.

[11, С. 147]

Разумеется, в европейской культуре остаются некие реминисценции античного понимания вещи. В отдельных философских учениях вещь продолжает оставаться чем-то еще цельным и немеханическим, чем-то, не утратившим трансцендентность, присущую изначальному пониманию бытия как бытия. Это в какой-то мере переходит к кантовскому пониманию Ding an sich. Вещь — трансцендентна, тогда как наивысшие условия познания — трансцендентальны, и это не одно и то же. У Канта — лишь намек на трансцендентное, ведь трансцендентальный уровень — это уже полагание границы, признание ограниченности человеческого разума. Вещи существуют сами по себе, в за-пределе, а человеческий разум, чувствует свои трансцендентальные пределы, подобно античному Зевсу, и, при всем своем могуществе, довольно ограничен.

Хайдеггер ставит вопрос иначе. Вещь не является только следствием некой одной функции, например, серебряная чаша не является только лишь простой емкостью для жидкости, скорее, она становится эффектом онтологического сущностного собирания вещи как вещи. Чаша может рассматриваться как опосредующее звено между человеком и некими иными инстанциями бытия. Английское и немецкое thing пишется одинаково, но имеет разные значения, английское — «вещь», немецкое — «народное собрание». Англосаксонская этимология Thing, Ding, Tag связана с древнескандинавским и германским народным собранием. Тинг — это народное собрание, вече бытия. Таким образом, вещь — это онтологическое собирание начал и смыслов бытия, вещь — пересечение неких инстанций. «Веществуя, вещь дает пребыть собранию четверых — земле и небу, божествам и смертным» [7, с. 321]. В конце XIX–начале XX столетия происходит некое фундаментальное переоткрытие языка, и прежде всего в понимании вещи, в понимании «вещности вещи». Весьма любопытно, что ни М. Хайдеггер, ни Л. Витгенштейн, каждый по своему, не мыслят своего познавательного продвижения вне тандема вещь — язык. Вещи проявляются для нас через язык и в языке. Ф.Г. Юнгер выражает эту позицию следующим образом. «Разделение слова и вещи носит искусственный характер. Вещи существуют не прежде языка (там нет вещей) и не позади языка; они являются, обнаруживают себя в языке» [12, с. 99].

Рассмотрим структурное членение единиц языка в философии Л. Витгенштейна по возрастанию сложности. Прежде всего это членение «субстанции мира» на объекты, которые «образуют субстанцию мира» (2.021). Получается, что «объекты» (Gegenstand) существуют до «фактов» и выступают как своеобразный эрзац вещи. Л. Витгенштейн говорит, что «объект прост».

Далее следуют «позиции», «положения вещей», они же «атомарные факты» — *Sachverhalt*. Как это можно сразу понять, термин слишком многозначен, кстати, в феноменологии Э. Гуссерля термин *Sachverhalt* означал «положение вещей». И, в-третьих, термин на немецком *tatsache* (сложные факты), который в английском варианте переводится как *fact* или, в русском и немецком, просто «факт» в самом обычном смысле слова. Вообще эта последовательность соответствует укоренившейся формально-логической последовательности понятие–суждение–умозаключение. В ходе чтения «Логико-философского трактата» возникает понимание того, что противоречия в понимании терминов неизбежны, что четкость в терминологии в тексте относительная. *Sache*, обычно в немецком понимаемое как «предмет», постоянно чередуется с классическим кантовским *ding*, понимаемым как вещь, в английском переводе — *thing*. Возможно, это обусловлено подспудным ощущением того, что язык — весьма сложное образование, со множеством скрытых ходов, переплетений и связей. В пункте 2.01 сказано: «Позиция определяется связями между объектами (предметами, вещами)», что в немецком источнике звучит как «*Der Sachverhalt ist eine Verbindung von Gegenständen (Sachen, Dingen)*» [1, с. 36; 15, s. 6]. Вот эта последовательная серия терминов в ключевом тексте эпохи лингвистического поворота иллюстрирует длительную историю и стадии понимания предметности в новоевропейской эпистемологии. «*Dingen*» — кантианская позиция познания, «*Gegenständen*» — это фраза, отсылающая к тому миропониманию, где присутствует ярко выраженный гегелевский панлогизм понятия, понимание «*Sachen*» — это некая «сподручность» понимания вещи эпохи Хайдеггера и Витгенштейна.

Таким образом, мир Л. Витгенштейна несет в себе и выражает пертурбации XX века, эпоху войн и экономических доктрин, экзистенциальный вакуум техногенной эры. Мир Хайдеггера — мир изначального мышления, где царят восхождение и цветение всего сущего на пути истины, пути самого бытия. В плане онтологического «акмэ» Витгенштейн признает мир трансцендентного для этики, а также и для логики.

Семантически *WeltBild* М. Хайдеггера и *Bild* Л. Витгенштейна как языковая репрезентация мира являют собой зеркало самого новоевропейского разума, подобное циферблату механических часов. По сути, к этому экранированию сущего лучше всего подходит метафора метафизического циферблата. Метафизический циферблат — способ опосредования первичной реальности, присущий новоевропейскому метафизическому разуму, конструкт, проявляющий себя через особого рода взаимодействие логических и языковых презумпций.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. И.С.Добронравова, Д.Г.Лахути. — М.: Канон+, 2011. — 288 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. Л. Добросельского. — М.: АСТ, 2010. — 177 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 347 с.
4. Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. — 5-е изд. — СПб., 1899. — 693 с.
5. Малышев В.Б. Картина берет нас в плен: трансцендентальность языка в концепциях М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. — 2012. — № 4(08). — С. 43–49.

6. Медведев Н.В. К вопросу о сущности языка: размышления Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 2(2). – С. 20–25.
7. Хайдеггер М. Вещь. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 316–326.
8. Хайдеггер М. Гераклит. Начало западного мышления. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 503 с.
9. Хайдеггер М. Парменид. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 383 с.
10. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
11. Эсхил. Софокл. Эврипид. Трагедии. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 350 с. (Вавилонская библиотека).
12. Юнгер Ф.Г. Язык и мышление. – СПб.: Наука, 2005. – 301 с.
13. Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 12. Unterwegs zur sprache. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1985. – 262 s.
14. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Zweite auflage. – Oxford.: Blackwell Publishers. – 1999. – 272 p.
15. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosoficus. London: Routledge; & Kegan paul; New York: Humanities Press, 1961. – 166 p.

References

1. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat; per. I.S.Dobronravova, D.G. Lahuti. Moscow: Kanon+, 2011. 288 p.
2. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat; per. L. Dobrosel'skogo. Moscow: AST, 2010. 177 p.
3. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya. Moscow: AST: Astrel', 2011. 347 p.
4. Grechesko–russkij slovar'. Sost. A.D. Vejsman. 5-e izd. Saint Petersburg, 1899. 693 p.
5. Malyshev V.B. A Picture Held us Captive: Transcendence of the Language in the Concepts o M. Heidegger and L. Wittgenstein. *XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus*. 2012. No. 4(08). P. 43–49.
6. Medvedev N.V. About the Essence of Language: Thoughts of L. Wittgenstein and M. Heidegger. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 2015. No. 2(2). P. 20–25.
7. Hajdegger M. Veshch'. Hajdegger M. Vremya i bytie. Moscow: Respublika, 1993. P. 316–326.
8. Hajdegger M. Geraklit. Nachalo zapadnogo myshleniya. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2011. 503 p.
9. Hajdegger M. Parmenid. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2009. 383 p.
10. Hajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. Moscow: Gnozis, 1993. 464 p.
11. Eskhil. Sofokl. Evripid. Tragedii. Moscow: Olma-Press, 2001. 350 p. (Vavilonskaya biblioteka).
12. Yunger F.G. Yazyk i myshlenie. Saint Petersburg: Nauka, 2005. 301 p.
13. Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 12. Unterwegs zur sprache. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1985. 262 p.
14. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Zweite auflage. Oxford.: Blackwell Publishers. 1999. 272 p.
15. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosoficus. London: Routledge; & Kegan paul; New York: Humanities Press, 1961. 166 p.

Информация об авторе

Владислав Борисович Малышев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, Самара, Россия. **E-mail:** vlmaly@yandex.ru

Information about the author

Vladislav B. Malyshev, doctor of philosophy, Professor of the Philosophy and Socialhumanitarian sciences Chair of Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** vlmaly@yandex.ru